

*Маме, которая научила меня быть
храброй, даже когда страшно до жути*

ГЛАВА 1

Красная дверь.

Темный коридор.

Страшно до жути.

Этот сон всегда начинается так. Из звуков — только мерный стук капель за стеной. От страха я не могу пошевелиться. Крепко зажмуриваюсь, но, когда открываю глаза, дверь никуда не девается. Зловеще краснеет впереди.

По спине, словно полчища черных пауков, колюче бегают мурашки.

Кто-то шепчет мое имя.

И в этот миг сон почти всегда прерывается.

Обычно я просыпаюсь в слезах, ночная сорочка мокрая от пота, хоть выжимай. Обычно я бужу маму, умоляю зажечь масляную лампу возле нашей кровати, и мама крепко обнимает меня, пока я не перестану дрожать.

Но бывает, я не могу проснуться.

Иногда я мечусь во сне или сползаю на пол. Иногда бегаю по комнате и кричу, глаза у меня широко раскрыты, но я ничего не вижу.

Мама в такие моменты говорит, что я «застряла».

Обхватив мое лицо ладонями, она смотрит мне в глаза и по остекленевшему взгляду понимает, что я в глубоком сне. Мама зовет и зовет меня, чтобы я шла на ее голос, как на маяк, и вернулась в мир живых, но я словно под толщей воды. И ничего не слышу.

* * *

Вдалеке, по ту сторону Ист-Ривер, пелену предвечернего тумана прорезает луч маяка. Пять секунд слепящего света. Пять секунд зловещей тьмы. На мгновение мне кажется, что это опять случилось — я застряла в кошмаре.

Тут я понимаю: тень, растущая впереди над мутной вспененной рекой, — это остров Норт-Бразер, и меня бросает в дрожь. Я хочу уйти в салон парома, но мама берет меня за руку.

— Ты обещала, — тихо говорит она. Раз я ее слышу, значит точно не сплю. — Ну же, Эсси. Будь смелой девочкой.

Легко ей говорить. Мама — одна из самых смелых людей во всем Нью-Йорке. Кто угодно подтвердит: и чудаковатый владелец старого дома, где мы снимали квартиру; и моя лучшая подруга Беатрис; и монашки из нашей католической школы святого Джерома. Я своими глазами видела, как мама подбирает с пола дохлых крыс — и ее даже не передергивает. Видела, как затаптывает ботинком вспыхнувший огонь. Когда ей было всего пять лет, а это в два раза

меньше, чем мне сейчас, она вместе со своей матерью плыла через огромный океан в Америку, куда уже перебрался отец. А у меня душа уходит в пятки, когда паром приближается к Хелл-Гейту.

Ледяной и влажный январский ветер хлещет меня по лицу. На палубе повсюду слякотные лужи и так холодно, что я дрожу даже в своем теплом пальто, но мама шагает к леерам и тянет меня за собой. Я упираюсь, мама глядит на меня с укоризной, но я не готова рисковать жизнью ради красивого вида. К тому же любой человек в здравом уме понял бы: этой тенью вдалеке не стоит любоваться.

— Многовато у вас багажа, — говорит кто-то позади нас, и мы с мамой оборачиваемся.

Служащий парома в длинном непромокаемом плаще, глянцевом от стекающей по нему дождевой воды, улыбается нам, касаясь пальцами фуражки. На реке поднялись волны, и он проверяет груз, который перевозят на палубе, — затягивает канаты покрепче и завязывает двойные узлы. На одном из больших деревянных ящичков рядом с ним виднеется надпись «МЕДИЦИНСКИЕ СРЕДСТВА». На другом — «ЛАБОРАТОРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ». Сверху, привязанный к багажной горе, взгромоздился наш старый пароходный кофр с помятыми боками, рядом с ним пристроилась симпатичная металлическая коробка для шляп — мамина, подарок ее нового мужа.

Моего нового отца.

Я морщусь.

— Я хочу сказать, многовато багажа, если просто едете в гости, — добавляет служащий. По всему видно, что на языке у него вертятся еще вопросы.

Сегодня нам уже повстречалось много любопытствующих, но этот моряк мне особенно не нравится. Есть в нем что-то подозрительное — то ли прическа, то ли обувь, поэтому я прячусь за маму и, сощурившись, разглядываю его.

— Мы не в гости собрались, — громко отвечает мама, перекрикивая шум волн. — Мы переезжаем на остров.

Служащий парома вскидывает голову.

— Неужто пациенты?

— Боже упаси! — восклицает мама.

Я не хочу снова смотреть на реку. Не хочу видеть маяк, который предостерегает нас, чтобы держались подальше от приближающейся тени. Но тут паром сильно подкидывает, нос захлестывает гигантская волна, палубу заливает, и я, спотыкаясь и крича, отбегаю от мамы и вцепляюсь обеими руками в боковой леер, чтобы меня не смыло за борт.

Мама же хихикает, как школьница, прижимая свою новую модную шляпку к голове. Она даже не потеряла равновесия, держится со всегдашней уверенностью и достоинством.

— Ну и разошлась же погодка! — говорит мама служащему в плаще, а потом, будто не заметив, что секунду назад я едва не упала за борт, добавляет: — Отойди подальше, Эсси.

Я зажмуриваюсь, стараясь не смотреть на бурные потоки ледяной воды внизу. Больше всего на свете

мне хочется забиться вглубь парома, развернуть его и поплыть обратно домой, но я боюсь, что если отпущу леер, то непременно упаду. К тому же наш дом в Мотт-Хейвене уже нельзя назвать нашим домом. Наши пожитки, те немногие вещи, что остались, — их уже упаковали и отправили на остров. Наша квартира в городе опустела.

Наша квартира, в которой я жила всю жизнь.

Наша квартира, в которой я жила с мамой и папой — моим *настоящим* папой.

Когда в лицо мне вновь ударяет луч маяка, я нехотя открываю глаза и, шурясь от яркого света, через несколько секунд сменяющегося темнотой, вглядываюсь вдаль.

Остров Норт-Бразер выглядит необитаемым. Редкие деревья, растущие тут и там, походят на простертые к небу руки скелетов. Скалистая береговая линия будто поджидает, когда кто-нибудь оступится и подвернет себе лодыжку.

— Стало быть, вы медсестра? — продолжает попытываться служащий. — На замену пропавшим?

Отпустив леер, я оборачиваюсь, таращу глаза, но тут паром захлестывает еще одна волна, и меня отбрасывает к маме. Я кричу, еле держась на ногах, и мама подхватывает меня как раз в ту секунду, когда мутная коричневая вода переливается через борт.

— Я насквозь мокрая! — выкрикиваю я.

— Вовсе нет, — возражает мама.

— Я простужусь!

— Господи, Эсси! Не преувеличивай.

Мама поворачивается к служащему парому, вежливо прощается, после чего уводит меня в салон. Я вся трясусь от холода и некрасиво хлюпаю.

— А ну прекрати сию минуту. Хватит сцены устраивать.

Но я не могу прекратить. В голове у меня мелькают картинки всех возможных версий моей гибели.

Мама насилу отрывает мои пальцы от своей сырой юбки и промокает ее. Эта юбка в черно-белую полоску — новая, как и шляпа с металлической корбкой. Еще один подарок.

— Стоило выбрать другой день для переезда. — Мама выдавливает улыбку.

— Или вообще никогда не переезжать, — буркаю я.

По ее строгому взгляду я понимаю, что лучше мне замолкнуть, поэтому скрещиваю руки на груди и, все еще выбивая зубами дробь, отхожу от мамы. Паром качается на волнах. Остров Норт-Бразер подбирается все ближе. На небе чернеют грозовые тучи. Когда кто-то у меня за спиной начинает кашлять, я украдкой поглядываю через плечо. На этом маленьком пароме пассажиров немного, при посадке я заметила среди них двоих полицейских. Должно быть, сейчас они наверху, в капитанской рубке. Судя по всему, на пароме перевозят запасы медикаментов, пока погода еще позволяет пересекать реку. Но тут в дальнем конце салона я вижу закутанного в потрепанное одеяло исхудалого мужчину с лихорадочно горящим лицом.

От накатившей тревоги у меня сжимается нутро. Я пячусь.

— Иди сюда сушиться. — Мама машет мне платком, садясь на скамейку. Она бросает красноречивый взгляд на кашляющего мужчину, и я тут же бегу к ней.

Некоторое время мы молчим. Мы и так уже всё высказали раньше. Кричали. Обзывали друг друга по-всякому. Я плакала до посинения, хватая ртом воздух и причитая, что моя жизнь в опасности.

По правде говоря, так оно и есть.

Паром наскакивает на одну волну за другой, отчего у меня противно сосет в животе.

— Мы утонем, — шепчу я.

— Не утонем.

— В этом проливе постоянно тонут корабли. Хелл-Гейт — это кладбище.

Мама вздыхает.

— Знаешь, я так радовалась своему первому плаванью. Все мои мысли были о моем новом доме, каким он будет. И у нас выдалось несколько ночей, когда штормило куда хуже, чем сейчас. Я тебе рассказывала, как корабль стало заливать и воды в каюте было мне по самые панталоны?

Конечно, рассказывала. Я во всех подробностях знаю мамино путешествие из Ирландии. Даже о самом страшном — например, о том, как корабль загорелся, или как вся еда протухла, или как вокруг в нетерпении шныряли акулы, — мама говорит как о незабываемом приключении, которое я пропустила.

Наверное, тогда она считала, что лучше уж такое плавание, чем всё, что происходило в ее жизни раньше. Мама и бабушка голодали. И корабль до Америки был последним шансом выжить.

Луч маяка вновь рассеивает туман, пробиваясь через окна салона. Свет. Тьма. Снова свет.

— Он славный человек, Эсси. Вот увидишь.

Я замираю. Мне не хочется опять слушать, как мама пытается меня убедить, что это верный выбор — и единственный. Не хочется слушать, как она говорит о докторе Блэкрике и его больнице.

— Мы заболеем, — говорю я тихо, бросая взгляд на другого пассажира.

— Не заболеем, — отвечает мама и, приобняв меня, целует в макушку.

Я понимаю, почему дедушка поехал в Америку. Понимаю, почему бабушка последовала за ним. Но несмотря на то, что мама в последнее время сильно исхудала и даже в новой красивой одежде фигура у нее угловатая, несмотря на то, что на Рождество нам едва хватило денег на уголь, чтобы не окоченеть от холода, а на подарки мы тем более не тратились, — я все равно не понимаю, почему она снова вышла замуж. Не понимаю, почему согласилась переехать в поместье этого чужого человека.

Дело в том, что остров Норт-Бразер не похож на другие острова.

Наш новый дом — там, куда неизлечимо больных отправляют из Нью-Йорка доживать свои дни и ждать смерти.

ГЛАВА 2

Что всё пропало окончательно и бесповоротно, я поняла вчера в половину четвертого.

Я вернулась из школы поздно и увидела, что все наши вещи упакованы. Но поразила меня вовсе не опустевшая квартира, ведь она у нас очень маленькая. И даже не наполовину наполненный громоздкий пароходный кофр с откинутой тяжелой крышкой, оставленный прямо посреди кухни. Нет, больше всего меня поразила мама: она стояла среди разбросанной по полу одежды и наспех завернутой в газетные листы посуды и примеряла новую шляпку. Шляпка была модная, с высокой тульей и широкими полями, увенчанная гроздьями лент и кружев. Мама что-то напевала себе под нос, любуясь своим отражением в тусклом ручном зеркальце. Меня она совершенно не замечала, словно я превратилась в невидимку. И только когда мои руки, ставшие вдруг ватными, разжались и школьные учебники глухо хлопнулись на пол, мама повернулась ко мне.

— Ой, Эсси! — воскликнула она, снимая шляпку. — Слава богу, пришла наконец-то.

Ее волосы были убраны наверх в пышный пучок. Мама постоянно грозилась остричься и жаловалась, что длинные волосы ей мешают, лезут в лицо, но до сих пор мне удавалось отговорить ее от этой затеи. Судя по всему, мои недавние попытки отговорить ее от решения, которое разрушит нашу жизнь, не увенчались успехом, потому как дальше она сказала:

— Тебе нужно уложить свои вещи. Завтра мы переезжаем на остров Норт-Бразер.

Смертный приговор прозвучал так обыденно, так непринужденно и неоспоримо, словно она исправляла мое домашнее задание по арифметике. Такой же прием она использовала две недели назад. Готовя на ужин колканнон, мама как ни в чем не бывало сообщила, что снова вышла замуж.

— Мы познакомились на женском марше суфражисток, — с улыбкой сказала она, сбивая пюре из картофеля и капусты. — Вообще его зовут Алвин Шварценбах, но здесь его называют Алвином Блэкриком, а то пока выговоришь «Шварценбах», язык сломаешь. Эсси, милая, вы прекрасно поладите. Скорее бы вас познакомить!

Было ясно как божий день: мама лишилась рассудка.

И дело даже не в том, что она вышла замуж за едва знакомого человека, причем немца, — она вышла за человека с очень незавидной профессией. Доктор Блэкрик заведовал одним из самых страшных мест в Нью-Йорке — больницей Риверсайд

на острове Норт-Бразер. Людей с заразными болезнями — обычно бедняков или иммигрантов вроде нас — местное управление здравоохранения регулярно переправляло в одну из карантинных больниц на островах в проливе Ист-Ривер. Мнением самих больных чаще всего никто не интересовался. Если уж тебе не посчастливилось угодить на Норт-Бразер, пиши пропало: оттуда уже не вернешься. Все это знали.

Во время того первого разговора о моем отчине, когда мама описывала, насколько велико его поместье в сравнении с нашей квартиркой, я оторопела. Увидев вчера, что вся наша жизнь поместилась в несколько чемоданов, я повела себя так же — смотрела на всё разинув рот.

— Погода вот-вот испортится, так что надо уезжать поскорее, — сказала мама. — Алвин прислал утром письмо из больницы, говорит, что на завтрашнем вечернем пароме для нас будут места. Иначе мы еще несколько недель не сможем уехать.

Я не стала говорить, что если мы «еще несколько недель не сможем уехать», меня это более чем устроит. Я вообще не сказала ни слова. Просто развернулась и вышла из квартиры. В узком коридоре, где желтые обои отставали от стены, я бросилась бежать. На шаткой лестнице я сбавила шаг — а вдруг оступлюсь и полечу кубарем по ступенькам? — но когда спустилась и вышла через черный ход, то снова помчалась. В обнесенном забором заднем двореке за нашим домом было страшно холодно. На веревках